

Корней Иванович Чуковский «Живой как жизнь (Разговор о русском языке)»

Аннотация

Корней Чуковский - наш любимый детский писатель, сказочник, автор "Айболита", "Мойдодыра" и "Бармалея" - был поистине знатоком русского языка. "Живой как жизнь" - главная книга Чуковского, посвященная русскому языку, его истории и современной жизни, законам его развития. Нескрываемый и страстный интерес автора к слову как к началу всех начал в сочетании с объективным научным анализом речи - отличительная особенность книги Чуковского, сделавшая ее такой популярной и читаемой в нашей стране. В книге вы найдете огромное количество примеров живой русской речи, узнаете, что такое "канцелярит" и как с ним бороться, "умслопогасы" и "иноплеменные слова" и многое-многое другое...

Корней Иванович Чуковский «Живой как жизнь (Разговор о русском языке)»

Издательство: "Мир энциклопедий Аванта +", — 2010

Купить цифровую книгу в books.ru, бумажную книгу в [FLIP](https://flit.ru) или [Лабиринте](https://labirint.ru).

Глава первая - старое и новое

В этой главе рассматривается развитие русского языка и отношение к этому развитию старшего поколения, которое было воспитано на других нормах языка. Старики почти всегда воображали (и воображают сейчас), будто их дети и внуки (особенно внуки) уродуют правильную русскую речь.

Теперь мне даже странно вспомнить, как сердило меня на первых порах нынешнее словосочетание: сто грамм.

— Не сто грамм, а сто граммов! - с негодованием выкрикивал я.

Но мало-помалу привык, обтерпелся, и теперь эта новая форма кажется мне совершенно нормальной.

Глава вторая - мнимые болезни и — подлинные

В этой главе продолжается рассказ о развитии языка. Рассказ о том, что слова скрип, дальний, тополы, чернилы, бревны, турков, несмотря на то, что их использовал сам Пушкин, не используются сейчас в таких формах.

Господи, какой кавардак! — воскликнула на днях одна старуха, войдя в комнату, где пятилетние дети разбросали по полу игрушки.

И мне вспомнилась прелюбопытная биография этого странного слова.

В семнадцатом веке кавардаком называли дорогое и вкусное яство, которым лакомились главным образом цари и бояре.

Но миновали годы, и этим словом стали называть то отвратительное варево, вроде болтушки, которым казнокрады-подрядчики военного ведомства кормили голодных солдат. В болтушку бросали что попало: и нечищеную рыбу (с песком!), и сухари, и кислую капусту, и лук. Мудрено ли, что словом кавардак стали кое-где именовать острую боль в животе, причиненную скверной едой?

А потом, еще через несколько лет, к тому же слову прочно прикрепилось значение: бестолочь, неразбериха, беспорядок, неряшество.

Все это так. Этого нельзя забывать. Каждый живой язык, если он и вправду живой, вечно движется, вечно растет.

Но одновременно с этим в жизни языка чрезвычайно могущественна и другая тенденция прямо противоположного свойства, столь же важная, столь же полезная. Она заключается в упорном и решительном сопротивлении новшествам, в создании всевозможных плотин и барьеров, которые сильно препятствуют слишком быстрому и беспорядочному обновлению речи.

Без этих плотин и барьеров язык не выдержал бы напора бесчисленного множества слов, рождающихся каждую минуту, он весь расшатался бы, превратился бы в хаос, утратил бы свой целостный, монолитный характер.

Глава третья - иноплеменные слова

Первым и чуть ли не важнейшим недугом современного русского языка в настоящее время считают его тяготение к иностранным словам.

По общераспространенному мнению, здесь-то и заключается главная беда нашей речи.

Действительно, эти слова могут вызвать досадное чувство, когда ими пользуются зря, бестолково, не имея для этого никаких оснований. И да будет благословен Ломоносов, благодаря которому иностранная перпенди кула сделалась маятником, из абриса стал чертеж, из оксигениума — кислород, из гидрогениума — водород, а бергверк превратился в рудник.

Маяковский еще в 1923 году выступал против засорения крестьянских газет такими словами, как апогей и фиаско. В своем стихотворении “О фиасках, апогеях и других неведомых вещах” он рассказывает, что крестьяне деревни Акуловки, прочтя в газете фразу: “Пуанкаре терпит фиаско”, решили, что Фиаско — большая персона, недаром даже французский президент его “терпит”:

Но значит ли это, что иноязычные слова, иноязычные термины, вошедшие в русскую речь, всегда, во всех случаях плохи? Что и апогей и фиаско, раз они не понятны в деревне Акуловке, должны быть изгнаны из наших книг и статей Навсегда? А вместе с ними неисчислимое множество иноязычных оборотов и слов, которые давно уже усвоены нашими предками?

Имеем ли мы право решать этот вопрос по-шишковски [А. С. Шишков (1754-1841) — автор реакционной книги «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка».] сплеча: к черту всякую иностранщину, какова б она ни была, и да здравствует химически чистый, беспримесный, славяно-русский язык, свободный от латинизмов, галлицизмов, англицизмов и прочих кошунственных измов?

Такая шишковщина, думается мне, просто невысказана, потому что, чуть только мы вступим на эту дорогу, нам придется выбросить за борт такие слова, унаследованные русской культурой от древнего Рима и Греции, как республика, диктатура, амнистия, милиция, герой, супостат, пропаганда, космос, атом, грамматика, механика, тетрадь, фонарь, лаборатория и т.д., и т.д., и т.д. Не думаю, чтобы нашелся чудак, который потребовал бы, чтобы мы отказались от этих нужнейших и полезнейших слов.

Если оставить в стороне научные и технические термины и вообще книжные “иностранные” слова, а также случайные и мимолетные модные словечки, то можно смело сказать, что наши “заимствования” в большинстве вовсе не пассивно усвоенные, готовые слова, а самостоятельно, творчески освоенные или даже заново созданные образования” [Б. Казанский, В мире слов. Л., 1958,

стр. 143.]. В этом и сказывается подлинная мощь языка. Ибо не тот язык по-настоящему силен, самобытен, богат, который боязливо шарахается от каждого чужеродного слова, а тот, который, взяв это чужеродное слово, творчески преобразует его, самовластно подчиняя своей собственной воле, своим собственным эстетическим вкусам и требованиям, благодаря чему слово приобретает новую экспрессивную форму, какой не имело в родном языке.

Глава четвертая - умслопогасы

Итак, оказывается, что засилье чужезычных речений не грозит нашему языку ни малейшей опасностью уж хотя бы потому, что никакого засилья нет.

Точно так же не способны испортить его те сложносоставные слова типа ЗАГС, управдом, поссовет, которые, начиная с Октябрьских дней, хлынули в него широчайшим потоком. Правда, среди этих слов попадаются порой отвратительные. Например, Облупрпромпродтовары, которое так рассердило смоленскую жительницу Татьяну Шабельскую, что она вместе с гневным письмом прислала мне коробку витаминов, на которой без зазрения совести начертано это бездарное слово.

Я вполне разделяю негодование Татьяны Шабельской, но значит ли это, что нам подобает огулом, не считаясь ни с чем, осуждать самый метод образования слов из нескольких начальных слогов или букв?

Ведь многие из них уже успели войти в исконно русскую, бытовую и литературную речь: СССР, РСФСР, ЦК, вуз, комсомол, колхоз, трудодень. Они уже не кажутся искусственно склеенными, а живут такой же естественной жизнью, как, скажем, слова человек или азбука. В подобных словах нет ни складу, ни ладу, ни благозвучия, ни смысла. Они совершенно непонятны читателям и превращают русскую речь в тарбарщину.

Глава пятая - вульгаризмы

Я говорю о засорении речи якобы непристойными грубостями, которые внушают такой суеверный, я сказал бы — мистический, страх многим ревнителям чистоты языка. Страх этот совершенно напрасен, ибо наша литература — одна из самых целомудренных в мире. Глубокая серьезность задач, которые ставит она перед собою, исключает всякие легковесные, фривольные темы. Такова она с давних времен. Это относится ко всем без исключения жаргонам, арготизмам и сленгам, которые угнездились теперь в разговорах некоторых кругов молодежи: они заимствованы отнюдь не из книг. И ведь правда, каждый писатель отражает в своих книгах то, что видит и слышит в жизни. Правда, иные писатели в своих повестях иногда перебарщивают: дают слишком уж густой концентрат этой речи.

В том, что молодежь говорит на "полублатном" языке, автор винит скучную прозу учебников и желание школьников отдохнуть от этого, но, что главнее, в этом виновато влияние улицы. Впрочем, здесь кроется скорее не языковая, а моральная проблема, как пишет Чуковский. Хуже всего то, что под флагом пуристов очень часто выступают ханжи. Они делают вид, будто их изнеженный вкус страшно оскорбляется такими грубыми словами, как, например, сиволапый, или на карачках, или балда, или дрянь. Если в какой-нибудь книге (для взрослых) им встретятся подобные слова, можно быть заранее уверенным, что в редакцию посыплется десятки укоризненных писем, выражающих порицание автору за то, что он пачкает русский язык непристойностями.

Вывод

Книга очень интересная. Раскрывает очень много о языке. Думаю многие вещи из книги можно переложить на любой язык. Заставляет задуматься.